

Ф. Гёльдерлин

Смерть Эмпедокла

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
Ф11

Ф11 **Ф. Гёльдерлин**
Смерть Эмпедокла / Ф. Гёльдерлин – М.: Книга по Требованию, 2021. –
134 с.

ISBN 978-5-458-24914-0

В центре неоконченной пьесы - образ древнегреческого мыслителя, государственного деятеля, поэта, врачевателя Эмпедокла, жившего в 483 - 423 гг. до н. э. Действие происходит на родине философа - в городке Агригенте на Сицилии.

ISBN 978-5-458-24914-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тельное дело,—это было мелкое делячество, какое-то «жили-были». Примириться с этим интеллигенция никак не могла. Она протестовала шумно, резко. Она мечтала о бунтарских выступлениях и, чувствуя, что для революции время не созрело, невольно в своем отчаянии, натыкалась мыслью на какие-то полубессознательные революционные порывы, идеи разбойничьего характера.

В этом отношении Карл Моор Шиллера и герой Гельдерлина—Гиперион во многом братья и по идеологии и по судьбам.

Гельдерлин—колоссально одаренный, внутренне музыкальный человек, с лиризмом, легко развившимся в метафизику, воспринимающий реальность как аккорд космической слепяности, мучительно испытывал разрозненность окружающей социальной жизни. В нем жила мечта об ином, лучшем мире, прообраз которого он находил в идеализированной Элладе. Там царила глубокая гармония между природой и человеком! Там искусство рождалось само собой, было, так сказать, стихийным выражением контакта человека с природой. Именно из этого непосредственного, полусознательного, полупассивного, полутворческого акта выросла мифология, рождающая искусство, выростала поэзия, философия и, наконец, религия, одна в идеях, другая в живых символах, образах, систематизирующая единственно целостное представление и чувствование человеком себя и природы. «Дух» охватывал всю культуру, всю повседневность древнео грека. Именно так надо жить.

Развитие разума заставило человечество отпасть от этой счастливой целостности. Оно своей дисгармонией унижительно мучило человеческую душу. Гельдерлин не испытывал его однако как вечное проклятие. Он верил в то, что именно из различия человека и природы, из его распавшейся жизни вырастет новая

«вершина» дерева, а именно идеал. Идеал есть задание, есть программа лучшей части человечества. Теперь дело заключается в том, чтобы воплотить его, чтобы разумно вернуть по некой стезе утерянный «тезис» единства.

Читатель видит, что это рассуждение Гельдерлина по духу своему очень напоминает Гегелевскую манеру мыслить и, между прочим, во многом совпадает с показавшимся кое-кому неожиданным отрывком из введения к «Zur kritik der politischen Oekonomie» Маркса о Греции, об искусстве.

Совершенно естественно, что Гельдерлин, далекий от масс и поэтому с некоторым ужасом относящийся к возможности массовой активности, гораздо больше верит в гения и героя. Гений и герой—это пророк, вождь лучшей части человечества в его стремлении к воскрешению потерянного единства жизни. Таким гением и вождем мечтал быть сам Гельдерлин. В великодушном по своему стилю, глубине и чистоте мыслей лирическом романе «Гиперион», Гельдерлин, никогда не пытавшийся заниматься практической деятельностью, изображает сначала взлет и потом падение вождя, чутьем действительности навесную картину поражения Гипериона на путях революции за восстановление свободы Греции. Гипериону и его другу Алабанде в протесте против общественного уклона приходится опираться на разбойников, как и Карлу Моору, и так же, как Карлу Моору, убедиться в негодности этой опоры.

К какому же выводу толкает трагическая гибель Гипериона? Законы жизни — законы рабства, — душат человека и вызывают его протест. Но если преступить эти законы, то можно оказаться в обществе вульгарных преступников, самому сделаться таким преступни-

ком. Таким образом, Гипериону заказаны все пути к моральной реформе жизни соответственно его планам.

Громадная вера в себя, которую вселяла в Гипериона Диотима (отражение мучительной любви самого Гельдерлина), рухнула. Правда, Гиперион видит спасение в чем-то высшем или, вернее, в вере в неисчерпаемость жизненного процесса, а поэтому и в неизбежность светлого будущего. На деле, однако, надежда эта не оправдалась.

Попытки мессианства выявлены были Гельдерлином исключительно в области поэзии. Ему казалось, что у него будет сначала немного, а потом все большее количество последователей, его окружают ученики, понимающие звучные тайные гимны, в которых он возвестит свою новую религию. Ему, повидимому, часто серьезно приходила в голову мысль, что он есть некий новый христос или антихрист, который братски относится к своему предшественнику (см. великолепный, хотя во многом темный „Гимн Христа“), в общем он пришел, чтобы восстановить древнее язычество. Но вместо этой величественной миссии, Гельдерлин находил в жизни какие-то жалкие местечки какого-то полу-лакейского характера. Пророческое честолюбие Гельдерлина, музыкальный творческий напор в области мыслей и в области формы бушевали в нем, и каждая встреча волн этого внутреннего кипения с тесными, ограниченными рамками окружающего общества причиняли невыносимую боль. Наконец, сознание Гельдерлина, то потухая, то вспыхивая, погасает совсем и несколько десятилетний живет поверженный шизофренией в состоянии безумия.

Большой спор велся позднее относительно самой болезни Гельдерлина. Невольно приходит в голову мысль принять ее, как явление социальное. Но психиатры.

утверждают, что шизофрения есть чисто наследственная болезнь, которая одинаково проявляется при всех жизненных отношениях.

В моем большом докладе в Коммунистической Академии о патологических и социальных факторах в истории литературы, я взял Гельдерлина, как пример, для доказательства, что патологические явления в литературе характеризуют только некоторую серию как бы извращенных инструментов, оказывающихся очень подходящими для извращенных, больных эпох. Я хочу сказать: эпохи здоровые берут здоровых писателей в качестве своих глашатаев. В такие эпохи больные гибнут, их никто не слушает. Эпохи патологические, ярко переживающие жестокие крушения надежд, находят своих лучших выразителей как раз в патологических, остро чувствующих, экстатических художниках. Здоровые люди в такие эпохи кажутся представителям падающего класса грубыми, тупыми, мало выразительными. Но рядом с этим я указывал в своем докладе на то, что социальная стихия (классы в их борьбе), берет тот или другой человеческий инструмент в свои руки обрабатывает их, довершает их тип, иногда ломая при этом самого человека. Социальная стихия выливается в наиболее подходящее русло, а потом своим потоком меняет это русло. Огромное удовлетворение доставил мне тот факт, что в исследованиях (кажется, еще не опубликованных), академика И. П. Павлова, который в последнее время занимался и вопросами деменции, есть идея, сообщенная мне одним из его осведомленных сотрудников, о том, что проявления временного, иногда и окончательного слабоумия в значительной степени могут быть взяты именно как социальное явление, т. е. как чрезмерное торможение, которым организм реагирует на слишком большие страдания обо-

стренной мысли, истерзанного чувства. Это объясняет с социальной точки зрения, почему так часто как раз мыслители и поэты, выражающие диссонансы эпох на самых резких дисгармониях своего протеста и недоумения, переходят к бредовым высказываниям и совершенно угасают в ночи слабоумия. Если утверждение акад. Павлова верно, мы могли бы сказать психиатрам, что имеем здесь не какой-то социально беспочвенный процесс, в котором данного художника поражала та внутренняя болезнь распада всей нервно-мозговой системы, которая протекала бы одинаково при всех условиях. Нет, мы имели бы здесь чисто социальный факт. Следующее за тем слабоумие можно было бы рассматривать как результат социальной дисгармонии, социальной борьбы, не забывая, конечно, при этом, что наследственность может играть тут существенную роль, создавая место наименьшего сопротивления, предпосылки к катастрофе.

К таким мыслям приводит, повидимому, судьба Гельдерлина. Уже его современники—и Гете, и Шиллер, и Гегель—тревожно останавливались на этой судьбе своеобразно на нее отвечали. Шиллер в нескольких словах упоминает о людях, подобных Гельдерлину, об их мечтаниях, о их неплототворности, и чувствуется, что фатальный конец, который, по мнению Шиллера, вытекает из самого их характера, не заставляет Шиллера осудить их, он скорее горько их жалеет. От этих крушений, последовавших в результате непокорности духа, веет на Шиллера чем-то внушающим ему уважение. Еще глубже взглянул на это явление Гегель. Несомненно, Гельдерлин имел он в виду, когда говорил о жертвах своего великого, слишком непримиримого духа. По Гегелю выходит так, что, конечно, такой протестант заслужил своего конца, тут есть его вина, но

она же является, в известной степени, его заслугой, если допустить здесь некоторую игру слов. Вина таких людей в том, что они не согнулись, не вступили в компромисс с действительностью, что они хотели идти напролом, но в этом же и их подвиг. Они гибнут, но от них остается некоторое светлое зарево, могущее указать путь другим. Под лозунгом „отречение“ („Entsagung“). Гете всю жизнь величественно и плодотворно, но все-таки неуклонно отступал. Отступал и Шиллер, отступал и Гегель, каждый по своему. Гегель особенно принципиально примирялся с действительностью. Он несомненно создавал предпосылки научного социализма, который полон реализма, объективности и вместе с тем революционной активности и творческого духа. Гегель не мог полностью осуществить этот широчайший синтез, в котором так долго билась в таких же условиях развивавшаяся мысль Белинского. Но он сделал в эту сторону исполинские шаги.

Однако, в собственной жизни, в пределах своего мирозерцания, это были шаги, отступающие перед природой и особенно природой общественной. И уже не люди ему преданные, а представители молодого пролетарского класса, правда, учившиеся у них, сделали из этого отступления внезапный прыжок вперед в верном направлении.

Не то Гельдерлин. Он сразу поставил себе непомерную задачу. Будучи поэтом-мессией, провозвестником мира, борцом за новые пути, казавшиеся ему ясными, пути восторженного энтузиазма, романтики, слияния с сущностью бытия и на этом построенной культуры, не уступая никому и ни в чем, непрактичный, всем чуждый, как редкий металл, не могущий войти ни в какое химическое соединение с окружающими, Гельдерлин погиб. Но он погиб, как великий человек. И из

его могилы растет живое дерево, к которому многие ходят теперь на поклон.

Наиболее трагически изобразил свою судьбу Гельдерлин в оставшейся незаконченной драме „Эмпедокл“! Она во многом темна, но в общем, однако, основная линия ее определена: Эмпедокл — человек гордыни, человек греческой *hubris*, с которой вели борьбу эллинские трагики. Эта гордыня благородна и плодотворна у Эмпедокла так же, как у Прометея в дошедшей до нас части знаменитой трилогии Эсхила. Вель Эсхил задумал своего Прометея для того, чтобы, сделав из него предельную меру бунта с наилучшими к тому аргументами заставить его все-таки склониться перед миром власти, перед принципом мирового порядка Зевсом. Но время испепелило те части, в которых поется песня мира, и оставило ту часть, где звучит песня бунта. И в ней Эсхил сосредоточил такую массу аргументов для своего противника, для его бунта, что Прометей сделался в веках великим представителем революционного начала.

У Гельдерлина не так. Гельдерлин показывает Эмпедокла уже на вершине победы (Ницше очень тонко различал такого рода преступление — *Frevel, om Sünd* — от греха). Теперь начинается возмездие природы, — символически выражаясь, боги не терпят того, чтобы человек взял на себя божескую миссию, чтобы он стал благодетельным вождем человечества и изменил течение времени. Эмпедокл сам ужасается своих дерзновений, но вместе с тем облагодетельствованная им толпа, тянувшаяся к слишком высоко поднявшемуся вождю, и ее мелкие и слабые руководители травят его. Внутренний и внешний крах приближается, и великая личность, отпавшая от закономерного хода бытия, стремится уйти в природу, соединиться с ней каким

бы то ни было актом. Эмпедокл бросается в кратер Этны.

Как я уже сказал, русскому читателю следовало бы ознакомиться подробнее с замечательными произведениями Гельдерлина.

Трудно сказать, однако, насколько уже в настоящий момент эта тончайшая и чистая поэзия могла бы найти у нас более или менее широкого читателя. Поэтому мы не решались пока говорить о „Гиперhone“, не обратились к нашим поэтам для перевода изумительной лирики Гельдерлина.

Мы на первое время предлагаем читателю эти фрагменты из Эмпедокла, крайне характерные для германского поэта.

Я. Э. Голосовкер с великой любовью перевел оставшуюся от автора часть задуманного труда на русский язык. Глубокомысленные примечания, которыми он снабдил свой перевод, помогут читателю в понимании мыслей Гельдерлина.

А. Луначарский.

СМЕРТЬ ЭМПЕДОКЛА

УЧАСТНИКИ

Эм п е д о к л.

Г е р м о к р а т — жрец.

К р и т и й — архонт.

П л а в з а н и й — ученик Эмпедокла.

П а н т е я — жрица Весты, дочь Крития.

Р е я — ее подруга, жрица весты.

Д е л и я.

К р е с т ь я н и н.

1-й А г р и г е н т я н и н.

2-й А г р и г е н т я н и н.

3-й А г р и г е н т я н и н.

1-й	}	Р А Б Ы Эм п е д о к л а.
2-й		
3-й		

Т о л п а г р а ж д а н.